

Это был подарок! Оу Шаовэнь знал значение этого слова, но впервые услышал, как кто-то произносит его в его адрес. Его лицо на мгновение застыло в замешательстве, когда он взял коробку, крепко сжав её в руках.

Его опущенные глаза и ресницы выглядели настолько трогательно, что, если это не было искренним, он, несомненно, был лучшим актёром, которого Оу Жэньцинъ когда-либо видел.

— В следующий раз, когда мы встретимся, тебе нужно будет немного поправиться, ты худее меня, — наконец сказал Оу Жэньцинъ, обняв его за талию, прежде чем развернуться и уйти.

Оу Шаовэнь стоял у входа, молча глядя в направлении, куда тот ушёл. В это время мимо прошла тётя Чжоу, с улыбкой заметив:

— Он уже давно ушел, хватит смотреть. У господина Оу будет время — он обязательно придет.

Оу Шаовэнь повернулся, смущённо посмотрев на неё, даже не разобрав, что она сказала. Он лишь слегка кивнул и снова застыл, глядя в ту же сторону.

Почему-то тётя Чжоу вдруг стало не по себе. Этот мальчик был слишком наивен, а в этом доме не было места для таких людей. Это место не станет его пристанищем.

Она вздохнула, покачала головой и ушла.

Оу Шаовэнь держал коробку в руках долгое время, наконец осторожно развернул её. Внутри лежал кусочек изумрудно-зелёного нефрита, вырезанный в форме бамбука, с перевязанным тёмно-зелёным шнурком.

Он взял подвеску, примерил её на груди, затем осторожно надел на шею, опустил голову и сжал её в ладони.

Как красиво! Жаль, что такие прекрасные вещи не могут принадлежать ему навсегда. Вероятно, когда он вернётся в лабораторию, её отберут.

Вернувшись в комнату, он долго смотрел на подвеску в зеркале, затем, словно в полусне, направился в кабинет. Встав на стул, он достал первую книгу с первой полки, бережно раскрыл её и погрузился в чтение, наконец обретя покой. Устроившись поудобнее, он сосредоточенно читал.

Богач не появлялся больше двух недель. Сегодня Оу Шаовэнь наконец получил свои удостоверение личности, свидетельство о регистрации и банковскую карту. Он потратил некоторое время, чтобы разобраться в их назначении, и, словно обретя сокровище, положил их в коробку.

Коробка, которую он нашёл в комнате, вероятно, была упаковкой от какого-то предмета роскоши, с красивым дизайном. В ней уже лежали засушенные листья и две гоночные машинки на радиоуправлении, а теперь добавились и документы. Он планировал перед возвращением в лабораторию тайно закопать эту коробку где-нибудь, чтобы, если ему когда-нибудь снова повезёт встретить такого доброго и щедрого человека, как Оу Жэньцинъ, он мог бы выкопать её и снова взглянуть на эти вещи.

— Дин! — раздался звук уведомления.

Оу Шаовэнь, который до этого двигался осторожно, резко захлопнул коробку и быстро схватил

телефон, разблокировав его.

— Вечером возьму тебя на ужин, жди меня дома.

До этого его настроение нельзя было назвать плохим, но с этого момента он почувствовал себя счастливым, словно в его сердце танцевал маленький балетный танцор. Оу Шаовэнь лёгкой походкой спустился вниз и сел на диван, терпеливо ожидая.

Он опустил голову, тихо повторяя слова, которые собирался сказать. Все эти дни, помимо чтения книг, прогулок по саду и редких попыток изучать информацию в интернете, он практически всё свободное время посвящал этому. Он не был неспособен говорить — во время изучения базовых курсов он уже научился этому и мог свободно общаться с другими, даже освоив основы английского и французского. Однако в те долгие дни, когда его существование свелось к роли успешного «инкубатора», никто больше не пытался с ним разговаривать.

Снова научиться говорить оказалось не так сложно, как он ожидал. Просто он хотел сделать это как можно лучше, чтобы Оу Жэньцзинь остался доволен.

...

— Сбирать красивых юношей, словно вазы, Оу Жэньцзинь никогда не вкладывал в это искренних чувств, — Оу Жэньцзинь листал статью в развлекательном разделе на экране телефона. Крупный шрифт сопровождался фотографией хрупкого юноши, одетого в лёгкую одежду и сидящего на корточках на улице. Статья вновь и вновь обвиняла его в ветрености и бессердечии.

Этого мальчика звали Ци Шуян, он только в прошлом месяце покинул его виллу. Среди всех его содержанцев он был самым молодым, едва достигнув восемнадцати лет, и в нём чувствовалась наивность и избалованность. Такие люди обычно не вызывали у него интереса, но к Ци Шуяну он проявил небывалую заботу и терпение. Он проводил с ним больше всего времени, чаще всего выводил его в свет, давал больше всего ресурсов, чаще всего держал за руку и был с ним наиболее нежен.

Ци Шуян прожил на вилле целых девять месяцев — дольше всех.

Возможно, именно потому, что на этот раз его терпение оказалось слишком велико, игра затянулась настолько, что все СМИ и зрители начали думать, что он станет тем, кто заставит Оу Жэньцзиня остепениться. Затянулось настолько, что сам мальчик начал погружаться в иллюзию, с каждым днём всё глубже тону в море сладкого обмана.

Такая уверенность в том, что он уже получил любовь, была крайне забавна. Он начинал капризничать, забывал, что их отношения начались с договора, выдвигал всё более наглые требования, постоянно жаловался, почему они ограничиваются лишь поцелуями и объятиями, не переходя к последнему шагу. Он с полной уверенностью заставлял Оу Жэньцзиня бросать важные дела, убеждённый, что он важнее всего остального в его жизни.

И именно в этот момент он вдруг понял...

Что он наименее важен.

Выражение его лица в тот момент Оу Жэньцзинь до сих пор помнил до мельчайших деталей. Это было ощущение, будто весь мир рушится перед глазами. Сомнение во всём, неспособность поверить в правду, боль, безумие, непринятие, самообман, поиск бесчисленных оправданий для

того, кто причинил ему боль.

С момента расставания с Оу Жэньцинем до его переезда с виллы прошло две недели. В эти две недели Оу Жэньцинь практически каждый день находил время, чтобы посмотреть записи с камер наблюдения, наблюдая, как Ци Шуян сходит с ума в комнате, как механически набирает его номер, как рыдает, как кричит, как проходит через все этапы душевных метаний, словно наблюдая за грандиозным спектаклем.

В интервью Ци Шуян, срываясь на слёзы, сказал:

— Когда он любит тебя, он терпит все твои капризы и необоснованные требования. Когда он устаёт от тебя, ты можешь потерять всё своё достоинство, но это не вызовет у него ни капли жалости или желания вернуться. Он чётко даст тебе понять, что все твои сладкие воспоминания для него — лишь шутка, а он относится к тебе, как к игрушке.

— А как же я? Моя радость и боль, моя молодость и искренние чувства — что с ними делать?

— Пожалуйста, не говорите при мне слово «содержанка». Я всегда думал, что не окажусь в том положении, которое все предрекали, но, даже если так и случилось, по крайней мере, когда мы были вместе, мы любили друг друга.

Смотрите, какой несчастный мальчик. Его искренние чувства были растоптаны, и никакие деньги или ресурсы не смогут это компенсировать. Самое смешное, что он до сих пор искренне верит, что его любили.

Оу Жэньцинь чуть не рассмеялся от удовольствия.

Хотя он уже устал от этих бесконечно пережевываемых, ставших пресными историй, почему они до сих пор становятся новостями? Но он всё равно открыл комментарии, с интересом читая, как его судят.

— Оу Жэньцинь уже давно начал собирать своих содержанцев, как марки. Ци Шуян сейчас выглядит жалко, но, когда он начинал отношения с таким человеком, как Оу Жэньцинь, он должен был быть готов к такому исходу.

— Наконец-то расстались, теперь другие молодые красавцы могут попытаться счастья.

— С Оу Жэньцинем ты можешь просить ресурсы и материальные блага, но не чувства.

— Быть искренним с таким человеком, как Оу Жэньцинь, — это слишком печально. Мне жаль себя, ведь я искренне верил, что этот белый кролик сможет приручить волка.

— Чёрт, Оу Жэньцинь — настоящий ублюдок. Всю жизнь играет с другими, но однажды и его поиграют.

Оу Жэньцинь легонько цокнул языком, с ухмылкой подумав, как Ци Шуян воспримет эти комментарии. Поймёт ли он, насколько смешно выставлять свои чувства на всеобщее обозрение? Люди лишь смотрят спектакль, никому нет дела до твоих радостей и страданий.

[Авторский комментарий: сменил описание (синопсис) произведения. Как думаете, новое лучше старого? Создание описаний — это моя ахиллесова пята, невыносимо!]